

Не уходите от вопросов,
Не предлагайте больше тостов.
Проходит ночь.
И день реальный и печальный
Разрушит вмиг все наши тайны.
Нам не помочь.

Рок-острова

Я неспешно шла по главной аллее парка и разглядывала людей вокруг. Дети носились по площадке с мячом, влюбленные парочки сидели на многочисленных скамейках, разбросанных по парку. Кое-где мелькали и одинокие фигуры: девушка уткнулась в экран смартфона, мужчина то ли читал, то ли дремал, а женщина по соседству с любопытством наблюдала за происходящим вокруг. Так же как и я.

Около выхода из парка я сделала последний глоток кофе и выбросила бумажный стаканчик в урну у ворот. Честно говоря, уходить отсюда совсем не хотелось, но обеденный перерыв закончился пару минут назад. Вообще-то прямо сейчас я могла находиться где-нибудь на берегу теплого моря, именно на сентябрь был запланирован мой отпуск. Однако им пришлось пожертвовать в пользу расследования.

Я никакой не следователь, хоть и работаю в полиции с дипломом юрфака. Моя должность в удостоверении значится как «инструктор». Тем не менее это не помешало моему начальнику пару месяцев назад отправить меня в соседний област-

ной центр, чтобы я там помогала в расследовании похищения жены его одноклассника. Хотя кого я обманываю? На самом деле я сама напросилась. Отстояла внеплановый отпуск, чтобы отправиться в тот самый город, где пятью месяцами ранее погиб мой жених Егор.

Несмотря на заверения, будто это был несчастный случай, меня терзали сомнения. Не то чтобы их удалось полностью развеять, но в процессе вскрылась пара любопытных деталей о моем любимом. Я, конечно, подозревала, что он был не простым папарацци, но предпочитала об этом не думать и ничего у него не спрашивать. Как оказалось, Егор был связан с очень серьезными людьми. Возможно, за это и поплатился. Но за отсутствием доказательств я предпочитала придерживаться первоначальной версии о несчастном случае.

Как бы то ни было, я пыталась вернуться к обычной жизни. Помогала работа. С ней не соскучишься.

Я поднялась по ступенькам на проходную, отсканировала пропуск и чуть не столкнулась за углом со своим начальником.

— Вот ты где, — елеиным голосом приветствовал меня Геннадий Михайлович. — Звоню тебе, а ты не отвечаешь.

— Так обед же, — парировала я.

— Все правильно, Танечка, все правильно. — Он подхватил меня под локоть и увлек в сторону своего кабинета. Когда мы оказались за закрытой дверью, начальник предложил: — Чай, кофе?

— Спасибо, только что пила.

— Хочу попросить тебя об одном одолжении.

— Внимательно слушаю, — улыбнулась я, не зная, чего ожидать.

— Хочу, чтобы ты присоединилась к расследованию...

— Стоп! Геннадий Михайлович, я инструктор — не следователь.

— Все понимаю, Татьяна, но там такое дело... Боюсь, Селиванов один не справится.

— А он в курсе?

— Того, что я прошу тебя ему помочь?

— Того, что вы сомневаетесь в его профпригодности, — ответила я.

— Я не сомневаюсь, — возразило начальство, густо краснея. — Просто дело очень деликатное, требует особого подхода. Женских рук, так сказать. И глаз.

— Так поручите Вике...

— Она в отпуске со вчерашнего дня.

— Ах да, — кивнула я, вспомнив, что мы вместе подавали рапорт и должны были отправиться отдыхать в один день. — Тамара Васильевна?

— Не в обиду ей, она прекрасный специалист, но вот женщина из нее не очень.

— Это как? — удивилась я.

— Тридцать лет в органах дают о себе знать, — развел руками Геннадий Михайлович. — Закаляют не только характер, но и все прочие места.

— Хорошо, Людмила?

— Танечка, у Люды три дела в производстве. Прошу тебя, всего пара допросов, просто попристствуй, большего от тебя не требуется.

— Вы уверены, что Селиванов будет рад моей помощи? Все-таки лучший сотрудник, — заметила я не без сарказма.

— Куда он денется, — улыбнулся начальник и растекся в улыбке. — Он и так часто с тобой советуется.

— Посоветоваться — это просто предлог и отмазка для жены, очень уж любвеобильный у вас Антон Борисович, помимо других достоинств, разумеется. — Я встала и направилась к выходу, перспектива работы в компании Селиванова не особенно меня радовала, я и так устала от его знаков внимания и намеков.

— Спасибо, Татьяна! — крикнул мне вслед Геннадий Михайлович.

— Что же там за дело у вас такое деликатное, — буркнула я себе под нос, закрывая за собой дверь кабинета начальника.

Не знаю, были ли Селиванов уже предупреждены или ему только предстояло узнать, какая манна небесная в моем лице на него свалилась, но в его кабинет я не торопилась, здраво рассудив: захочет — найдет сам. Много времени ему не потребовалась, и уже через двадцать минут мы сидели у него в кабинете. Мой хорошо упитанный товарищ настаивал на совместном обеде, только свой я уже отгуляла, а ему порекомендовала потерпеть ради благого дела. С терпением у Антона было так себе.

— Может, все-таки в «Пионы»? Там как раз бизнес-ланч, — с надеждой спросил Селиванов, усаживаясь на свое рабочее место. Стул при этом неприятно скрипнул.

— Обойдешься, любое умеренное воздержание закаляет мужчину.

— Это кто сказал? — напрягся он и почесал редкую темную бородку.

— Это я тебе говорю. На правах инструктора. Ты, как доблестный сотрудник, должен быть в форме. Ладно, не тяни резину. Что у вас там за дело, требующее особого подхода?

— В морге сегодня утром двух трупов недо- считались.

— Я слышана о бардаке у них там.

— Да нет, они натурально исчезли, — активно замотал головой Антон.

— Не удивлюсь, если завтра найдутся, — ухмыльнулась я. — Кто на подозрении?

— Сотрудники, само собой. Понимаешь, мне их допрашивать как-то не с руки, нам все-таки и дальше по работе пересекаться предстоит, — начал Селиванов, нервно елозя на стуле.

— Подозреваю, что они вряд ли особо нежные создания, переживут. Или ты о себе беспокоишься?

— Обижаешь, я только о деле тревожусь, — покачал головой Антон.

— Тоже мне, дело... Кому они сдались, трупы эти? — ухмыльнулась я.

— Вот и выясним, — заметно приободрился он.

— Ты хотел сказать выясню? — Я намеренно сделала акцент на последом слове.

— Танечка, с тебя допрос, с меня обед!

— Можно я возьму цветами?

— Если только не подснежниками, в сентябре с ними туго.

— Ну рассказывай что к чему, — попросила я, облокотившись на спинку стула. Жутко неудобного, кстати.

И Селиванов ввел меня в курс дела.

Заступивший на утреннюю смену судмедэксперт не смог найти тело, которое было одним из

первых в очереди на вскрытие. Искали тщательно. Настолько, что при поиске обнаружили, что недостает еще одного трупа. Дежурившие ночью санитар и сторож заверили, что все было как обычно, никакой подозрительной активности никто из них не видел и не слышал. Если не считать беспорядка вокруг.

— Ты мне только вот что скажи, Антон Борисович, в чем в этом деле женский подход заключаться должен?

— Ну как, там мужчины суровые, работа тяжелая, а тут к ним такая красавица пожалует.

— И они, конечно, разом все вспомнят и трупы найдут?

— Чем черт не шутит, — пожал плечами Селиванов. — Ну а если серьезно, обе похищенные — молодые женщины.

— И ты решил, что мне, как женщине, виднее, куда пропадают женские трупы?

— Ну-у... — протянул Селиванов.

Я отправилась к автобусной остановке, по пути гадая, действительно ли тела пропали или это простое разгильдяйство и нежелание как следует поискать. Когда я оказалась в здании бюро судебно-медицинской экспертизы, быстро поняла, к какому из вариантов стоит склоняться.

В холле толпились люди, стоял гул голосов. Кто-то спорил, кто-то разговаривал по телефону, а кто-то — между собой. Я быстро поняла, что не найду здесь никого, к кому смогу обратиться, и без лишних раздумий направилась по длинному коридору, уходящему вправо. Вскоре одна из дверей распахнулась, и из кабинета вышла стройная девушка в медицинском халате, шапочке и ма-

ске. «Ну вот, а Селиванов заливал, что они тут без женского внимания чахнут», — подумала я, а вслух сказала:

— Извините, где я могу найти Беспалова Бориса Леонидовича?

— Девушка, все вопросы о поступивших через администрацию, — сурово ответила сотрудница.

— О пропавших тоже? — поинтересовалась я, протягивая удостоверение. Хоть в нем и значилась моя настоящая должность, опыт показывал, что до этой строки мало кто доходил. Имя и то мало кто успевал прочитать, а тем более запомнить.

— Идем, — сменила она гнев на милость. — В морге он, я как раз туда.

Морг располагался на подвальном этаже, температура тут была гораздо ниже, чем наверху, и я невольно поежилась. Справа и слева — длинные коридоры и множество дверей. Вдоль серых обшарпанных стен какие-то мешки, вещи, каталки, незнакомые мне приспособления. Я оглядывалась по сторонам, а моя новая знакомая громко позвала, стянув медицинскую маску с лица:

— Боря! Есть кто? — Ей никто не ответил, она повторила громче, а потом в досаде махнула рукой. — Подумать только, ни одной живой души!

— По-моему, нормальное явление для морга, — пожала я плечами, а девушка странно на меня посмотрела, вряд ли оценив шутку.

— В секционной, наверное, — предположила она, и будто в подтверждение ее слов одна из дверей вдалеке открылась, и навстречу нам направился высокий тучный мужчина. Моя спутница передала ему какой-то сверток и меня в придачу.

— Поднимемся в кабинет? — предложил Борис Леонидович после нашего краткого знакомства.

— Я бы хотела взглянуть на помещение, из которого пропали тела.

— Уверены? — Он посмотрел на меня с сомнением, сведя у переносицы густые темные брови с легкой проседью.

— Вполне. — Я попыталась придать голосу уверенности, и мы направились в противоположный коридор.

— Впервые у нас? — поинтересовался судмедэксперт.

— К счастью, — улыбнулась я, а он продолжил:

— В том коридоре у нас основная работа проходит, а в этом те, кто на вскрытие. Вот отсюда они и пропали. — Он открыл дверь и придержал ее, чтобы я смогла войти.

Окон тут не было, а свет от ламп был таким ярким, что я зажмурилась. Хотя, возможно, глаза я прикрыла по другой причине. В моем представлении обитатели морга должны были аккуратно лежать каждый на своей чистой полке в серых халатах с бирками на ногах. На деле же все оказалось совсем не так: они, конечно, лежали, но некоторые друг на друге, а кто-то — по частям.

— Вот тут первая была, — указал он рукой на каталку. — К утреннему вскрытию готовили.

— А вторая?

— Да кто ж ее знает, тут где-то, — пожал плечами Борис Леонидович и указал куда-то на левую стену, всю в подтеках и пятнах, о происхождении которых даже не хотелось думать. — В кабинет?

— Да, — быстро ответила я на повторное предложение, всерьез испугавшись, что третьего не последует.

Кабинет располагался на третьем этаже, и ничего в нем не говорило о том, где мы находимся. Я бы даже назвала его уютным. На подоконнике горшки с цветами, на небольшом диванчике милая подушка с котиком. Борис Леонидович занял место за столом, сдвинув в сторону кипу бумаг, а я устроилась напротив.

— Трупы вместе поступили к вам?

— Судя по документам — нет, с разницей в несколько часов.

— А причина смерти?

— Давайте я вам вышлю бумаги на электронную почту, а подробности лучше у санитарар узнайте, который их принимал, — предложил врач.

— Раньше что-то подобное случалось?

— Нет, — покачал головой Борис Леонидович. — Такого точно нет.

— А какое случалось? — поинтересовалась я.

— Было несколько инцидентов, ловили пару санитаров с зубами. — Он увидел замешательство на моем лице и поспешил продолжить: — Зарплаты тут так себе, а работа, сами понимаете, тяжелая. Ребята решили, что зубы трупам уже ни к чему, вот и сбывали золотые коронки куда следует.

Очень хотелось узнать, куда же следует сбывать содержимое рта покойников, но я удержалась. Вместо этого спросила:

— Но лавочку быстро прикрыли?

— Пришлось, — странно улыбнулся Борис Леонидович — я даже заподозрила, что и он при-

нимал в этой деятельности непосредственное участие.

— Можно с ними поговорить?

— Они здесь больше не работают.

— Ну а тот, кто был на дежурстве ночью?

— О Ярославе ничего плохого сказать не могу.

Исполнительный, аккуратный. Пьет, конечно... Ну а кто здесь не пьет? Нам впору вместо молока водку за вредность выдавать.

«Обойдетесь», — подумала я про себя, а вслух спросила данные санитара и охраны. Смена Ярослава уже закончилась, а вот сторож еще пару часов должен был быть на месте.

Я спустилась в холл, там высокая худощавая женщина лет шестидесяти, в накрахмаленном халате держала высоко над головой внушительных размеров папку, а вокруг нее гудела толпа, да так, что слов сотрудницы было не разобрать. «Бардак тут, похоже, повсюду», — заключила я и покинула здание. Через дорогу был небольшой круглосуточный магазинчик, в нем я купила бутылку холодного пива и вернулась в бюро.

— Макар Игнатович? — позвала я, протягивая в окно будки охраны только что купленную бутылку.

— Взятки не берем, — бодро ответил щуплый мужичок лет семидесяти и приосанился.

— Отвлеку вас ненадолго, — улыбнулась я в ответ и рассказала, откуда пожаловала.

— Проходите. — Сторож открыл мне боковую дверь и указал на хлипкую табуретку рядом со своим стулом. Я хоть и вешу чуть больше пятидесяти, посмотрела на нее с недоверием, но присесть пришлось. На стол перед Макаром Игнатовичем я поставила-таки принесенную

бутылку, увидела рядом с собой кружку и протянула ему.

— Пейте, пока не нагрелось, — предложила я. — Последние сутки у вас тяжелые выдались.

— На работе не пьем. — Дед оказался не так-то прост и без боя сдаваться не собирался. Поставил бутылку под стол и развернулся ко мне.

— Как прошла сегодняшняя ночь?

— Да как обычно, — пожал он плечами.

— Камер у вас тут нет?

— Все на мне, да и кого тут стеречь?

— А снаружи?

— На улице три штуки висят. Одна над главным входом, вторая напротив и третья у приемника.

— А есть еще выходы из здания, кроме главного?

— А как же! На каждой стороне по запасному. Все как положено!

— Они на камеры попадают?

— Нет, — покачал головой сторож.

— Правильно понимаю, что те, кто входит и выходит из здания, в основном делают это здесь? — Я кивнула на главный вход.

— Все правильно, если не через приемник, то тут.

— За последние сутки много было посетителей?

— Вы же видите, что тут творится, — с ухмылкой кивнул он на толпу в холле.

— Ярослава, санитаря дежурного, вы ночью видели?

— А как же. Когда не везут никого, милое дело телевизор вместе посмотреть или партеечку сыграть. — Макар Игнатович бросил взгляд на

засаленную колоду карт, которая лежала на небольшом стеллаже.

— А давно вы тут работаете?

— Да как на пенсию вышел, так и устроился. Дети у меня в соседней области, у всех семьи. С женой я в разводе, а одному скучно, да и деньги не лишние.

— Тяжело такая работа дается?

— А я-то что, — пожал плечами сторож. — Мое дело нехитрое. Это санитарам с экспертами достается. Бывает, такого понарассказывают, что у меня, старика, волосы дыбом встают.

— Например?

— Вот ты, красавица, знаешь, что люди после смерти могут звуки издавать?

— Не-ет, — протянула я.

— И я бы не поверил, если бы своими ушами не слышал!

— Ничего себе. — Я прикрыла рот рукой в притворном изумлении, а сама отметила, что сторож легко может покинуть свой пост. — После такого грех не выпить. Борис Леонидович сказал, что нисколько не препятствует и даже в некотором роде поощряет, работа-то тяжелая.

— Это да, — деловито согласился сторож, а потом махнул рукой и достал принесенную мной бутылку. — Нагреется ведь и правда...

— Идеально с похмелья, — осторожно улыбнулась я.

— Да что ты, какое похмелье? Или думаешь, мы с Яриком ночью злоупотребляли? Так с ним и не напьешься особо, — усмехнулся старик и сделал глоток. — То ли дело Серега! По правде сказать, я бы скорее поверил, что в его смену такое могло произойти.

— Какое?

— Ну что трупов утром недосчитались.

— Это почему? Он что-то рассказывал?

— Да ничего он не рассказывал, и так видно.

Подозрительный тип. Пьет как лось и не пьянеет. А уж как до денег охоч! Предложи ему кто какое дело, точно бы не отказался поспособствовать.

— А когда его смена? — поинтересовалась я.

— Дай-ка гляну. — Он потянулся к стеллажу и достал толстый журнал. — Через неделю аккуратно выходит он из отпуска.

— А давно он отдыхает?

— Так три недели как к матери в Тамбов уехал.

— Макар Игнатыч, больше вас не задерживаю, но попрошу сообщить, если вспомните что-то, что может пролить свет на обстоятельства сегодняшней ночи.

— Эко завернула, — ухмыльнулся он, но номер телефона записал.

В конторе я застала Селиванова за неспешным распитием кофе. Экран рабочего монитора находился в спящем режиме, а в кабинете, кроме него, никого не было. Все это наталкивало на определенные мысли.

— Работы так много, что не знаешь, за что взяться? — спросила я не без издевки.

— Просто почувствовал твое приближение, я весь внимание.

— Рассказать особо нечего: ни эксперт, ни сторож ничего не видели. Санитар уже дома после смены, достала для тебя его контакты, — ответила я и потянулась к сумке, которую бросила на облезлый кожаный диван.

— Татьяна... — начал было Антон.

- Нет! — быстро отрезала я.
- Ты даже не дослушала, — обиделся он.
- Да я и так знаю, что ты скажешь: «Допроси санитаря, найди родственников трупов...»
- Можно еще свидетелей поискать, — кивнул Селиванов, нисколько не смутившись.
- Можно вообще всю работу за тебя делать, да у меня своей по горло, — отрезала я и добавила: — Думаю, что, если бы кто-то из граждан увидел, как по улицам тащат трупы или, что хуже, они сами разгуливают, наша контора уже была бы в курсе.
- Ну просто допроси санитаря, и все.
- Просмотр записей с камер на тебе. Ну или найди, кто этим может заняться. На улице у морга три штуки. — Я вышла из кабинета, не дожидаясь ответа.

Я позвонила Ярославу, и мы договорились о встрече на следующий день. Суббота — время для допросов внеурочное, но дома меня все равно никто не ждал, да и побыстрее хотелось узнать подробности такого загадочного исчезновения. То ли для того, чтобы скорее забыть об этих трупах, то ли потому, что я слишком любопытна, мне не терпелось докопаться до истины.

Вопрос, для чего кому-то понадобились трупы, не давал покоя. Сомнительно, что их выкрали с намерением продать на органы, но совсем такую вероятность отметить не стоит. Возможно, целью было скрыть следы какого-то преступления — это объясняет то, что исчезли они до вскрытия. Только вот нестыковка: поступили они в разное время, а понадобились кому-то вместе.

Я отправилась домой, где первым делом открыла ноутбук. Там меня ждали два письма от Беспалова. Я внимательно изучила каждое, но вопросов стало только больше.

Одна из пропавших, Людмила Ивановна Светлова, поступила в одиннадцатом часу ночи из квартиры, где проживала с матерью. Последняя обнаружила бездыханное тело дочери и сразу вызвала бригаду скорой помощи, которая диагностировала смерть и доставила девушку в морг. Именно ее готовили к вскрытию сегодня утром, без него причина кончины была не ясна. Девушка молодая, всего девятнадцать лет, без хронических заболеваний. Следов насильственной смерти предварительно обнаружить не удалось.

Вторую доставили около полуночи с места ДТП. При ней были документы, поэтому личность ее была предварительно установлена: Алла Вадимовна Лысенко. Подтвердить это смогли бы родственники после опознания: судя по документам, в результате аварии от лица девушки почти ничего не осталось. Однако опознать ее не успели. Кроме нее было еще двое пострадавших, которые ехали с ней в машине, — оба в тяжелом состоянии доставлены в областную больницу. На момент смерти покойнице исполнилось двадцать восемь, прописана она была в нашем городе и имела штамп о замужестве в паспорте. Только супруг ее, судя по всему, сейчас лежал в реанимации. Кто был вторым выжившим в аварии, указано не было, документов при нем не нашли.

Я откинулась на спинку стула и задумалась. Две молодые женщины поступают в морг с раз-

ницей в два часа. Одна внезапно скончалась у себя дома по неведомой причине, вторая — за рулем собственного авто в противоположной части города. Кроме пола их, казалось бы, ничего не связывает. Вопросов, как я и предполагала, стало только больше.

Я очень надеялась, что санитар, дежуривший сегодня ночью, сможет пролить свет на часть из них.

На следующий день я отправилась на встречу с ним. Мы договорились о разговоре в кофейне возле кукольного театра. Туда я добралась на автобусе, прихватив с собой заметки, которые успела сделать, изучая файлы из морга.

В помещении был лишь один мужчина без компании. Я решительно направилась в его сторону.

— Ярослав?

— Татьяна Юрьевна? — уточнил он в ответ. Я представляла его огромным суровым мужчиной, а на деле передо мной сидел улыбчивый молодой человек среднего телосложения. Светлые волосы коротко стриженны, глаза добрые, а на щеках едва заметная россыпь веснушек.

— Постараюсь не отнять у вас много времени, — заверила я. — Меня интересуют все, даже мельчайшие подробности вашего последнего дежурства.

— Смены у нас с восьми до восьми. Те, которые исчезли, были первыми, кого в мое дежурство привезли.

— После них был кто-то?

— Да, в три часа ночи доставили старика, а следом за ним — женщину. Первого нашли в собственном подъезде на лестничной клетке

соседи. А женщина была со множеством ножевых ранений, думаю, муж постарался.

— А возраст ее помните?

— Тридцать, если не ошибаюсь. — Он инстинктивно поморщился, видимо, вспоминая поступившую.

— Но она никуда не делась?

— Нет, на месте.

— А сможете описать внешность всех трех женщин?

— Та, что второй поступила, после ДТП, — там вместо лица месиво было. Могу сказать только, что блондинка, волосы не очень длинные и, похоже, крашенные. Роста небольшого совсем, стройная. Первая же, наоборот, как новенькая... — Он осекся. — Извините.

— Ничего, ничего, продолжайте.

— Молоденькая совсем и красотка. Фигура как у модели: высокая, подтянутая. Лицо симпатичное, и волосы длинные очень, в косу заплетены были.

— А цвет?

— Светло-русый.

— А та, что с ножевыми ранениями?

— Среднеазиатской внешности она. Так тело до сих пор у нас, может, посмотреть хотите?

— Нет, обойдусь вашим описанием, — заверила я.

— В теле, не толстуха, но крупная женщина, — продолжил санитар. — Я еще удивился — кто же ее одолеть-то смог, хотя с ножом дело нехитрое. Если знаешь, куда удар наносить, вопрос пары секунд.

— Я знаю, — не сдержалась я. Уж про ножевые ранения я знала прекрасно с детства получше любого санитаря.

— Ну да, вы же из полиции, — улыбнулся Ярослав и отхлебнул кофе. Конечно, он не знал, где и как я росла, поэтому место моей работы было для него самым простым объяснением.

Отец — а росла я без матери — с раннего возраста учил меня разным премудростям: виртуозно вскрывать замки, прятаться от слезки, незаметно проникать в помещения. Кроме того, именно с ним я освоила различные приемы самообороны и нападения, благодаря чему и получила должность инструктора по физической подготовке в полиции.

Остальное я постигала уже в детдоме после того, как отец однажды исчез, предварительно снабдив меня подробными инструкциями. Я отправилась в полицейский участок и назвала код: «14091520 Тайна», как и велел отец. Тайной он всегда называл меня, а вот о значении цифр я не догадывалась. Не знаю, поняли ли что-то из этого шифра полицейские, детские психологи и серьезные дяди в костюмах, навещавшие одиннадцатилетнюю меня, но, по крайней мере, открыто не смеялись. Зато после многочисленных утомительных бесед определили в детдом.

Там по мере взросления я всерьез начала сомневаться в адекватности собственного родителя. Разумеется, в детстве, когда мы меняли места жительства каждые пару месяцев и держались от всех особняком, я была уверена, что он ни много ни мало тайный агент. Однако в подростковом возрасте эта версия начала всерьез трещать по швам. Особенно после того, как я поняла и приняла то, что, вопреки обещаниям, он за мной не вернется. Никогда.

Не впасть в отчаяние мне помогли мои друзья по детскому дому. Все они тоже были, прямо скажем, непростыми ребятами.

Взять хотя бы мою подругу детства Дуню Стрелалову. Девчонка выросла в землянке, так как ее родители всерьез готовились встречать конец света. Делать это в глухом лесу им представлялось наиболее логичным. Она знала все о выживании в любых условиях. По химии и биологии, в отличие от других предметов, у Дуни всегда были твердые пятерки с плюсом, она с малолетства знала все о любых растениях, ядах и соединениях. До того как ей успело исполниться восемнадцать, из детдома ее забрал отец. Мать к тому моменту уже много лет лежала в психушке, а он обзавелся квартирой в Самаре, куда и забрал дочь.

Незадолго до того как Дуня покинула наш коллектив, внезапно объявившийся родственник забрал еще одного нашего друга — Славу Лавая, которого мы предпочли называть Лавой. Он оказался в детдоме после того, как его родители были зверски убиты в собственном доме. Лава был уверен, что виной тому деятельность его отца: тот был компьютерным гением, способным грабить банки, не выходя из дома. Разумеется, Лава от него многому научился и, когда у него появился ноутбук, не преминул нам свои способности продемонстрировать. Кстати, с техникой ему помог Ланселот. Мы называли его просто Ланс, уж больно затейливое имя. Фамилия, кстати, на удивление обычная — Трегубов.

С ним у меня когда-то были самые близкие отношения. Именно он стал моей первой влюбленностью и первым мужчиной. Я была очарована им ровно до тех пор, пока он не сбежал из

детдома, бросив влюбленную дуру в моем лице плакать и страдать в одиночестве.

Если с Дуней мы худо-бедно поддерживали контакт, созваниваясь, а Лава нет-нет, да и отправлял мне загадочные письма вроде: «Не верь Лансу» и «Я тебя найду, не ищи меня», то от Ланселота долгое время не было ни слуху ни духу.

Объявилась моя первая любовь в самый неподходящий момент пару месяцев назад, когда я расследовала гибель своего жениха в соседнем областном центре. Целью визита, кстати, была вовсе не я, а бандитский общак. Именно его вместе со мной он погрузил в машину, угрожая оружием. Я такого шага не оценила и поспешила смыться. Тем более что, как оказалось, он был знаком с моим женихом до того, как нас с Егором представили друг другу. Все это мне жуть как не понравилось, и я поспешила сдать Ланса браткам, чей общак он решил прибрать к рукам.

Признаться, даже не пыталась интересоваться, что с ним стало после нашей последней встречи. Уверена, он выкрутился. Это получалось у него превосходно. Лучше этого, пожалуй, он только владел оружием. В том числе и холодным.

История его появления в детдоме менялась слишком часто, но основными легендами были детство в цыганском таборе и цирковое семейство. В ходе представления отец его якобы метал ножи в стоящую у щита мать. Те оказывались в миллиметре от нее. Заканчивалось действие выстрелом из лука в яблоко, которое она держала у себя на голове.

Именно он научил меня обращаться с ножами, и я точно знала, что любого противника, даже

грузную женщину, можно повергнуть мгновенно, если знать, куда наносить удар.

— Ну как, есть предположения? — Голос Ярослава вернул меня в реальность: должно быть, он думал, что я размышляю над исчезновением.

— Пока нет, зато есть вопросы. — Я потрясла головой, чтобы выдернуть себя из воспоминаний, и посмотрела ему прямо в глаза. — Когда последний раз вы видели исчезнувшие тела?

— В три тридцать, после того, как последнее поступило.

— Они точно были на месте?

— Абсолютно!

— Ничего необычного в тот момент вы не заметили?

— Нет, тогда все находилось на своих местах. Посторонних тоже не было.

— Кто обнаружил пропажу?

— Как только Витька заступил, я ему смену передавать стал. В восемь у нас эксперты работу начинают. Ну я и повел его, как обычно у нас происходит, в отстойник — показывать, кто первый, кто второй.

— Так вы и поняли, что ни первого, ни второго там не оказалось?

— Да. Я, как зашел, сразу увидел, что все не так. Мало того, что тел нет, еще и свет не горит в помещении, хотя мы не выключаем. Да и бардак какой-то — ящики в стеллажах выдвинуты. И знаете, будто какой-то сквозняк...

— Вы суеверный? — нахмурилась я.

— Нет, — коротко ответил санитар и потер лоб. — Мы сразу всех на уши подняли, расспросили. Никто ничего не видел и не слышал. Ни следов взлома, ничего.

— А сами вы с половины четвертого до восьми что делали?

— В ординаторской был, — удивился моему вопросу Ярослав. — Наши клиенты неприхотливые, есть не просят. Сами мы с ними время проводить тоже не стремимся. Ночью оно как: мы приняли тело и бумаги на него, все по своим местам разложили и свободны.

— В ординаторской кто-то кроме вас был?

— Не было. Макар Игнатыч наверху только, у себя.

— Вы к нему поднимались?

— Да, ближе к шести кофе попили у него на посту, в карты перекинулись. У нас это не запрещено.

— Ярослав, — я выдала свою лучшую улыбку, — зачем кому-то могли понадобиться два женских трупа?

— Понятия не имею, — развел он руками.

— Кто-то незаметно проникает в морг и похищает два трупа. Вряд ли из-за зубов, верно? — взяла я инициативу в свои руки.

— Не понимаю, о чем вы, — смутился Ярослав.

— Ваш начальник рассказал мне о побочном заработке, — я подмигнула. — Может быть, были еще какие-то возможности заработать?

— Как, например? — В глазах Ярослава появился интерес. Подкидывать идеи ему, конечно, не хотелось, но все же я продолжила:

— Есть черный рынок органов, есть люди, готовые платить, чтобы остаться наедине с трупами, в конце концов.

— Некрофилы, что ли? — Парень вскинул брови и выпучил глаза, будто я только что заявила, что позади меня — отряд марсиан.

— Они самые, — я кивнула. — А в Питере, слышали, новая забава — расчленять и властвовать?

— Слышал, — смутившись, ответил Ярослав. — Так там это не отходя от кассы. Сначала убивают, потом расчленяют.

— Минуя морг? — ухмыльнулась я.

— Ну да, — смутился он.

— Но мы же не в Питере, а дурной пример, как водится, заразительный. Признайтесь, может быть, не вам, а вашим коллегам поступали какие-либо заманчивые предложения?

— Послушайте, Татьяна Юрьевна, я все понимаю: дело странное, но какие-то нездоровые у вас версии.

— Хорошо, с удовольствием послушаю ваши — я уже, между прочим, предлагала высказаться, — заметила я.

— Может быть, кому-то было выгодно, чтобы вскрытие не состоялось? — осторожно предположил он.

— Я думала об этом, но вот нестыковка — одна попадает в ДТП, будучи сама за рулем, а вторая умирает своей смертью в собственной квартире. Все это с промежутком в пару часов и на расстоянии десяти-пятнадцати километров. Складывается впечатление, что цель все-таки сами тела, а не личности.

— Это как?

— Кому-то понадобились два женских трупа.

— Кому? — удивился Ярослав.

— Это мне и предстоит выяснить. — Я простилась, поняв, что ничего полезного от него сегодня не услышу.

В выходные я была уверена в том, что доложу о результатах Селиванову и предоставлю ему возможность разбираться со всем этим самостоятельно, но утром я уже направлялась не в контору, а в областную больницу.

К сожалению, с Лысенко мне поговорить не удалось. Ни с одним, ни со вторым. В палате интенсивной терапии пациентов с такой фамилией оказалось двое, второй выживший в аварии мужчина был родным братом мужа погибшей Аллы. Зато в коридоре у палаты я издали заметила пару лет пятидесяти. Оба выглядели совершенно убитыми горем. «Еще бы, сразу два сына в таком состоянии». Однако я ошиблась. Как рассказала медсестра на посту, это были тесть и теща одного из пострадавших. Я записала их имена, поинтересовалась самочувствием братьев и направилась к палате. Посчитав удачей застать родителей Аллы здесь, я представилась и присела напротив пары. Женщина комкала в руках бумажный платок. На каштановых волосах — черная траурная лента из мелкого кружева.

Какое-то время мы пребывали в молчании. Мужчина смотрел в одну точку и будто бы не замечал моего присутствия. Выглядел он несколько бодрее и собраннее жены. Темные брови сведены у переносицы, губы поджаты. Первой нарушила тишину женщина. И без того миниатюрная, сейчас она смотрелась буквально крошечной, ссутулившись и обхватив себя руками.

— Аллочка ведь десять лет за рулем, права получила, как только восемнадцать исполнилось, — сказала женщина, тяжело вздыхая. — И вот, кто бы мог подумать, что вот так...

— Ирина Ивановна, расскажите о вашей дочери, — тихо попросила я.

Мне казалось, что я прекрасно понимаю ее состояние. Хотя потеря ребенка вряд ли может встать в один ряд с потерей жениха.

— Она замечательная, закончила математический факультет нашего института с красным дипломом. Ее сразу в банк взяли, дослужилась уже до руководителя отдела, — не без гордости начала женщина, на лице даже возникло подобие улыбки. — Кирилл — один из постоянных клиентов. Так красиво за ней ухаживал. Два года назад свадьбу сыграли, вот-вот внуков ждали.

— Алла была беременна? — уточнила я.

— Вроде бы нет, — неуверенно ответила Ирина Ивановна и бросила взгляд на мужа. Тот наконец повернулся к нам.

— Вскрытие покажет. — Он тяжело поднялся со стула и неспешно пошел в другой конец коридора.

— До сих пор поверить не могу, что все это случилось с нами. Может быть, это и не она была? Возможно ведь такое? — с надеждой посмотрела на меня женщина мокрыми от слез глазами.

— Боюсь, что она, при ней обнаружили водительское удостоверение, — не стала я лукавить.

Тем временем все внутри у меня сжалось, ведь скоро этим несчастным людям предстояло узнать о том, что тело их дочери загадочно исчезло. Если, конечно, его оперативно не найдут. Точнее, не найдем. Было совершенно очевидно, что я уже погрязла в расследовании по самые уши.

Женщина не сводила с меня взгляда. Ее худые плечи то медленно поднимались, то резко опускались, будто из нее выходила жизнь.

— А почему вы Аллочкой интересуетесь? Водитель грузовика ведь только парой царапин отделался, да и вина там скорее на нем, как я поняла.

— Вы все правильно поняли, — кивнула я и продолжила: — Простая формальность. А есть ли у вас фото дочери?

— Конечно. — Ирина Ивановна тут же полезла в сумку за смартфоном, нашла нужный снимок и протянула мне. — Вот, это они с Кирюшей на второй годовщине свадьбы, в конце августа.

— Красивая пара, — кивнула я, попросив переслать мне снимок.

Я говорила чистую правду: с фотографии на меня смотрела миниатюрная кареглазая девушка с платиновыми волосами и роскошной улыбкой. Рядом муж, он казался выше ее чуть ли не в два раза. Серьезный, подтянутый брюнет в очках. Его лазурный галстук гармонировал с элегантным платьем супруги.

— Ира, выпей, — тяжелым голосом произнес отец Аллы, материализовавшийся рядом с пластиковым стаканчиком воды.

— Вадик, неужели это все в самом деле происходит с нами? — задала вопрос Ирина Ивановна будто бы мужу, но на самом деле в никуда.

Ответа не последовало. Мужчина присел рядом, тяжело вздохнул, взял за руку жену и опустил седеющую макушку на ее плечо. Мне совершенно не хотелось мучить этих людей, но все-таки осталась пара вопросов, которые необходимо было задать.

— Значит, отношения с мужем у нее были хорошие. Может быть, какие-то конфликты на работе, с друзьями?

— Вы что же, думаете, кто-то мог это подстроить? — женщина в ужасе вскинула брови.

— Мы обязаны проверить все версии, а экспертиза покажет исправность автомобиля и обстоятельства аварии, — терпеливо объяснила я.

— Нет, — она опустила голову и покачала ею из стороны в сторону, — она вообще неконфликтная у нас, добрая, ласковая.

— Последнее время не было ли каких-то странностей в ее поведении или в окружении?

— Да не было ничего такого, — резко ответил Вадим Сергеевич.

— Светлова Людмила Ивановна была ли в кругу общения вашей семьи или братьев? — назвала я имя другой пропавшей и описала ее. — Девятнадцать лет, модельная внешность, длинные светлые волосы.

— Нет, — произнесла Ирина Ивановна после некоторых раздумий, Вадим Сергеевич тоже покачал головой.

— Не хочу вас больше задерживать. — Я кивнула в сторону палаты. — Как я могу связаться с близкими братьев?

— Так нет у них никого. Родители погибли в аварии год назад. Отец за рулем был, на месте скончался. А мать в коме пролежала, да без толку. Тоже вслед за мужем отправилась. Только Кирилл с Матвеем друг у друга и остались теперь, да мы с Вадиком. Вот только выкарабкаются ли?

Я выходила из больницы с тяжелым чувством. Свернула за угол здания и присела на лавку в больничном сквере рядом с раскидистым кленом и видом на вход в один из корпусов.

Красивая девушка и счастливая жена попадает в аварию, столкнувшись с грузовиком. Она погибает на месте, а муж и его брат в тяжелом состоянии оказываются в больнице. За год до этого похожая история происходит с их родителями, в результате оба погибают. Может ли это быть неслучайным совпадением и иметь отношение к пропаже тела Аллы?

Их с мужем семейная жизнь могла быть не такой безоблачной, как то виделось родителям. Допустим, Алла была с кем-то в сговоре. Она и ее сообщник зачем-то хотели избавиться от всех членов семьи Лысенко. В случае их гибели Алла, вероятно, становилась единственной наследницей. Вот только смерть самой женщины могла быть выгодна только еще одному наследнику. Которого, похоже, нет.

Кто-то вполне мог манипулировать ею, заставить лишиться жизни собственного мужа и его брата, исходя из собственных интересов. При этом жизнь самой Аллы никакой ценности для убийцы не представляла. Соперник или конкурент одного из братьев втерся в доверие к женщине. Выбрав подходящий момент, подсыпал что-то, чтобы спровоцировать неадекватное поведение за рулем. В таком случае было бы ясно, почему тело исчезло из морга. Кто-то заметал следы.

Причина у злодея должна быть весьма существенной. Мечь, то самое блюдо, которое подают холодным. Достаточный ли это повод сжить со свету пятерых представителей одной семьи?

Маловероятная версия хотя бы потому, что вместе с Аллой исчезает еще одна девушка. Разумеется, она могла быть как-то связана с ней или братьями. Родственница, подруга или любовни-

ца — почему бы и нет? Родителям Аллы вообще необязательно было знать о ее существовании. Мила Светлова тоже могла быть замешана в ДТП, и ее вскрытие кому-то также невыгодно. Похоже, нужно двигаться в этом направлении, искать связь двух погибших. Хотя покопаться в истории с аварией годичной давности тоже не помешает.

Утром я приехала на работу. Половина сотрудников в отпусках, количество моих занятий временно сократилось втрое, поэтому до вечера особых дел у меня не было. Однако Селиванов явно считал иначе. Он внимательно выслушал то, что мне удалось узнать, и невозмутимо заявил, протягивая клочок бумаги:

— Вот адрес, по которому нашли Людмилу. Поговори с ее матерью, Вероникой Павловной Светловой, узнай подробности и возвращайся, пообедаем вместе.

— Вот уж награда так награда за старания, — усмехнулась я.

— Ты против моей компании? — вскинул брови Селиванов и скорчил недовольную гримасу.

— Очень даже за, когда она по делу. Не хочешь поехать со мной? Тем более ты на машине, негоже девушку по городу гонять.

— Танечка, дел невпроворот, а вот до адреса подкину, конечно. Тем более мне все равно сейчас в комитет заехать надо, — радостно отозвался Антон и подскочил со стула, снимая со спинки свою кожанку.

— Узнай обстоятельства гибели в результате ДТП четы Лысенко, и вообще любые сведения о них были бы очень кстати. Это родители братьев, которые были пассажирами Аллы, пропавшей из морга, — попросила я уже в машине.

— Сделаю, — радостно закивал Селиванов. Он, похоже, радовался, что дело благополучно сбыл мне, даже добавил: — Что-нибудь еще?

— Поторопить экспертизу авто, за рулем которого была Алла Лысенко, сможешь?

— Не обещаю, но постараюсь. — Антон бросил взгляд на меня. — Раз для дела надо.

— Не для себя же, — фыркнула я и отвернулась к окну.

Квартира Светловых находилась в красивой высокой сталинке в районе, примыкающем к центру. Прямо напротив — парк культуры и отдыха. Слева — здание мэрии. Жилье в этом квартале стоило безумных денег. Интересно, зачем было молодой девушке из благополучного района связываться с грязным делом, способствовать аварии троих людей и рисковать собственной жизнью. Хотя в девятнадцать многие опасности не кажутся такими уж серьезными, да и просчитывать риски умеют не все даже в более зрелом возрасте.

К тому же, имеет ли она вообще причастность к страшному ДТП, предстоит еще выяснить.

Дверь из красного дуба мне открыла женщина лет тридцати пяти в лосинах и коротком топе цвета фуксии. Русые волосы собраны в высокий пучок. Я бы подумала, что оторвала ее от занятий спортом, однако в руке у нее тлела сигарета, что вряд ли можно было совмещать с физкультурой. По крайней мере, в моем представлении.

— Могу я поговорить с Вероникой Павловной Светловой? — спросила я, протягивая удостоверение.

— Это я, входите, — ответила женщина и по-сторонилась. Я представляла мать Людмилы совсем иначе, но не верить ей оснований не было. Кстати, на удостоверение она даже не глянула. — Извините, у меня не убрано.

— Конечно, я понимаю, — заверила я, а сама оглядела огромную гостиную, куда меня привела женщина.

Похоже, что не убрано здесь уже очень давно. Я бы сказала, лет десять. На роскошной итальянской мебели слой пыли, на ковре из-за грязи едва угадывается былой рисунок. По углам и на люстре болтается паутина, одно из кресел целиком завалено одеждой, какими-то журналами и даже посудой. На втором стоит открытый ноутбук, а на полу у кресла — три бутылки вина. Похоже, пустые. Только венецианская штукатурка на стене с изображением итальянского дворика напоминает о былой роскоши. В целом выглядит все очень удручающе.

— Садитесь. — Вероника кивнула на диван, обивка которого пестрела прожженными следами от сигарет и множеством разных пятен. — Или вы хотите посмотреть, где я ее нашла?

— Да, было бы неплохо, — легко согласилась я, радуясь возможности покинуть это помещение. Мы пошли по длинному коридору мимо кухни. Я бросила туда беглый взгляд: дверь на балкон открыта настежь, на столе горы пустых банок, коробок и каких-то упаковок, раковина завалена посудой. «Да уж, проветривание тут очень кстати», — подумала я про себя. А вслух спросила:

— Давно вы тут живете?

— С рождения, — ответила женщина сухо, открыла передо мной дверь и указала на кро-

вать. — Вот тут она вчера и лежала. Я выйду ненадолго?

— Да, конечно. Это ее комната, верно?

— Ее, — кивнула она и исчезла в коридоре. Должно быть, матери тяжело было находиться здесь, спокойствие в голосе наверняка результат действия успокоительных препаратов.

Я огляделась. В отличие от других помещений здесь сразу бросался в глаза порядок. Мебель выглядела далеко не новой, а компьютер с огромным монитором на столе вообще воспринимался чем-то доисторическим, хотя лет двадцать назад, скорее всего, был передовым гаджетом. Но все содержалось в чистоте и порядке. На длинном стеллаже — книги аккуратными рядами. Нижняя полка выделена под детские, из которых хозяйка комнаты давно выросла, далее — художественная литература, на уровне груди — энциклопедии и учебники, преимущественно по биологии, анатомии, химии. Чуть выше начинались разные сборники с одинаковыми выцветшими корешками, изданные в прошлом веке.

Рядом с компьютером на столе — клетка. В ней довольно большая белая крыса. Я обратила внимание, что поильник и кормушка у нее пустые — вряд ли Вероника вспомнит о ней в ближайшее время. Я налила животному воды из стоящей рядом бутылки и насыпала какие-то гранулы из стеклянной банки. Крыса принялась жадно есть, а я продолжила осматривать комнату Людмилы.

Кровать застелена покрывалом золотистого цвета, поверх него — декоративные подушки. Все примято, что неудивительно, раз именно тут нашли тело девушки. Над кроватью — огром-

ное фото, прикрепленное канцелярскими кнопками. Возможно, даже перепечатка из журнала. Высокая блондинка с распущенными волосами по пояс стоит в модельной позе. На ней пиджак синего цвета на пару размеров больше, кожаная юбка и туфли-лодочки. Лицо миловидное, но пронзительные карие глаза добавляют строгости, особенно на контрасте со светлой копной волос. Я достала телефон и сделала снимок, предположив, что на фото — Людмила.

Рядом с кроватью тумбочка и маленький передвижной компьютерный столик. Видимо, хозяйка комнаты предпочитала пользоваться им, ведь на письменном столе с огромным монитором и клеткой просто не оставалось места. На тумбочке еще одно фото. Та же самая девушка, только лет на пять моложе, держит на коленях смеющегося пацана лет четырех. Тут же — зеленое яблоко, которое покойная не успела съесть. На столике — учебники и тетради. Я полистала их и предположила, что девушка планировала стать врачом. Ноутбук отсутствовал.

Огромное окно выходило на парк. Я вышла на балкон. Тут в горшках росли анютины глазки, некоторые даже продолжали цвести. На небольшом столике — подсвечник для уличной свечи, на стуле — плед. Похоже, хозяйка комнаты любила проводить тут время.

Я услышала, как скрипнула дверь, и вернулась в комнату. Вероника села на банкетку рядом с кроватью и скрестила руки. Я устроилась напротив за письменным столом, развернувшись лицом к собеседнице, благо стул был на колесиках.

— Вероника, расскажите, как вы обнаружили Людмилу, — попросила я.

— Милу, — поправила меня женщина. — Она терпеть не могла, когда ее полным именем называли. Не так я ее назвала, видите ли! Удивляюсь, как имя не сменила в восемнадцать. Вообще-то я уже все рассказала полицейскому, который приехал после скорой.

— Понимаю, но таковы формальности, — настаивала я. — Вы вернулись домой и обнаружили Милу тут, во сколько это было?

— Вернулась в четыре, около семи отварила пельмени и заглянула к ней в комнату, чтобы позвать на ужин. А она лежит. Я подумала: спит. Зову, а она не реагирует. Подошла, потрясла — ничего. Ну я в «Скорую» звонить. Они приехали: померла, говорят, полицейских надо. Вскоре и ваши явились, все расспросили, Милу рассмотрели. Сказали, что, скорее всего, она по естественной причине умерла.

— Это потому что при первичном осмотре не было обнаружено следов насильственной смерти, — кивнула я.

— Да, сказали, что вскрытие точную причину покажет, — пожала плечами Вероника и резко вышла из комнаты. Я подумала, что за напускным спокойствием скрывается большое горе, но она очень быстро вернулась с бутылкой вина и стаканом и вновь устроилась на кушетке. Сделала большой глоток и сказала: — Вам не предлагаю, вы при исполнении.

— Так точно! — не удержалась я от колкости, поскольку Вероника не очень походила на убитую горем мать. — Были ли у Милы какие-то проблемы со здоровьем?

— Может, и были, но мне она не рассказывала.

— Сложный возраст, желание быть во всем самостоятельной? — предположила я.

— Да у нее этот возраст лет в десять начался, сразу, как я Мартына родила, не рановато ли?

— У всех по-разному. — Я пожала плечами. — Значит, Людмила — не единственный ваш ребенок? Сколько сейчас сыну?

— Десять будет в ноябре.

— Он сейчас в школе? — предположила я.

— Мартын живет с отцом. Уже почти шесть лет.

Женщина отвернулась к окну. Я решила эту тему не развивать и вернуться к делу:

— Мила училась в медицинском?

— В колледже. Хотела ехать в Москву поступать, представляете? — усмехнулась Вероника, сделав большой глоток вина. — Я, конечно, понимаю: ЕГЭ по химии на максимальные баллы и все такое. Но где она и где столица? Кому она там нужна? К тому же жить где-то надо.

— Значит, она осталась в нашем городе и поступила в колледж?

— Ага, лучшая ученица, все дела. Мечтала заработать и свалить в свою Москву. — Вероника вдруг расхохоталась, поднялась с банкетки, достала из нижнего ящика письменного стола потрепанный журнал и протянула мне. — Узнаете?

— Это вы? — Я перевела взгляд с обложки на нее.

— Что, сильно изменилась? — ухмыльнулась Вероника.

— Нет, совсем нет, — слукавила я.

Судя по дате выпуска журнала, фото было сделано ровно двадцать лет назад. Однако женщина была вполне узнаваема.

— Мне тут шестнадцать. Агенты пророчили мне большое будущее, модельный бизнес был тогда в самом расцвете. На следующий день после выхода журнала я узнала, что беременна.

— Милой? — догадалась я.

— Да. — Она снова сделала большой глоток и вышла на балкон, оставив дверь открытой. Облокотилась на кованые перила, прикурила и продолжила, затянувшись: — Милка не любила, когда я в ее комнате курила. Хотя вообще-то это моя комната. Я тут выросла. На чем я остановилась? Ах да, ну пришлось рожать. Еще пара фотосессий, и все, гудбай, Америка, Европа и вся моя модельная карьера. Я этой дуре говорила: иди в модели, ведь все при ней. Были бы быстрые деньги, связи. Как бы не так! Портфолио сделала из-под палки, вон над кроватью снимок как раз, и все на этом. Уперлась: анестезиологом она, видите ли, хочет стать...

— А почему вы решили сохранить беременность? — осторожно поинтересовалась я. — По здоровью?

— Какое там здоровье, смеетесь? Разве оно от беременности прибавляется? Дети у вас есть? — резко переключилась она.

— Нет, — я покачала головой.

— И не надо, — отрезала Вероника. — Вот так растишь их, а они раз — и все.

— И все же, — настаивала я. — Почему не пошли на прерывание, раз были многообещающие перспективы в качестве модели?

— Отцу хотела насолить. — Она снова расмеялась, потушила сигарету и вернулась в комнату на свое место. Вылила остатки вина в стакан ■ и быстро его осушила. — Внук, рожденный несо-

вершеннолетней дочерью, никак не вписывался в концепцию его мира.

— Получилось? — мягко поинтересовалась я.

— Если бы, он помер за неделю до родов...

— Что случилось?

— Старость случилась. Он старше матери на тридцать лет был. На следующий день после восьмидесяти третьего дня рождения и помер. Накидался сверх меры на празднике, вот и последствия. Знать бы, что так все получится, лучше бы аборт сделала. Глядишь, жила бы сейчас где-нибудь в Милане. — Вероника потянулась было за бутылкой, но вовремя вспомнила, что та уже пуста.

— А мама?

— Мамы не стало, когда мне было семь. Покончила с собой.

— Были причины?

— Были, должно быть. — Женщина посмотрела мне прямо в глаза. — Вам же еще нет тридцати?

— Нет, — улыбнулась я.

— А она моя ровесница была. Я себя с мужиком за шестьдесят пять ну никак представить не могу. Видать, и ей не очень было. — Я сейчас вернусь. — Вероника снова вышла и через пару минут действительно вернулась с бутылкой красного и чистым стаканом. — Выпейте со мной, как вас там?

— Татьяна.

— Вот, за упокой Милкиной души. Да и родителей моих — Валентины и Павла. — Женщина протянула мне стакан — я не стала возражать, и она щедро наполнила его вином. Я поняла, что она настроена выговориться, и решила этим

воспользоваться. К тому же, как только мне исполнилось одиннадцать, отец начал обучать меня, как пить и не пьянеть. В теории, разумеется.

— Молодой человек у Милы был?

— Учеба у нее была, вот и все интересы.

— А подруги?

— Подруги были, как же. Ленка вон, этажом выше живет. — Вероника посмотрела наверх. — Двадцать три бабе, а все с моей с малолетства носится.

— В колледже Мила с кем общалась?

— Почему мне знать? — удивилась женщина. — В колледже и спросите.

— Вероника, ничего странного в поведении или окружении дочери вы последнее время не замечали?

— Что у меня, своих дел нет? — ответила вопросом на вопрос собеседница.

— Вы сказали, что ваш сын живет с отцом. Мила не изъявляла желания последовать примеру брата?

— Нет, у нее отца и не было никогда. Я в шестнадцать лет залетела. Вокруг меня тогда кто только не вился. Родила Милку, и все, жизнь коту под хвост, считай. Пока она в школу не пошла. Я же одна с ней тут. — Она огляделась. — Ну а потом встретила отца Мартына, Игоря. Только недолго музыка играла. Три года мы прожили вместе в его доме, а потом все: прости-прощай, выгнал нас с Милкой, а Мартюшу отобрал.

— Вы не пытались его вернуть?

— Знаете, какие у него связи? — усмехнулась Вероника. — А я что — ни работы, ни образования. Да и привычки вредные имеются.

Это было понятно и без ее слов. Неудивительно, что мужчина долго не выдержал. Я попросила его контакты и поспешила покинуть квартиру. Уже на пороге обернулась и спросила женщину:

— Как думаете, от чего она умерла?

— Пусть патологоанатом разбирается, или как его, — развела та руками, а я подумала: «Он бы рад, найти бы тело».

Когда входная дверь за мной закрылась, я поспешила не вниз, а вверх по лестнице. На следующей площадке я позвонила сначала в одну квартиру, затем во вторую. Повезло мне только на третий раз. Дверь открыла женщина лет семидесяти, в элегантном домашнем платье, прическа подвязана бантом, губы ярко накрашены.

— Добрый день, — удивленно произнесла она, глядя на меня.

— Я ищу Елену, девушку двадцати трех лет.

— Парамонову?

— Да, — поспешила я согласиться, хотя фамилию соседки Милы, разумеется, не знала.

— Подруга? — спросила женщина, подозрительно оглядывая меня с головы до ног.

— Не совсем. — Я протянула удостоверение, которое та внимательно изучила. Пожалуй, это был первый раз, когда кого-то заинтересовали не сами корочки, а их содержимое.

— Инструктор по физической подготовке? — Вскинула брови женщина. — Зачем вам Елена понадобилась?

— Хотела поговорить с ней по поводу недавней кончины вашей соседки снизу.

— А следователя что, не могли прислать? — резонно заметила собеседница. Вот тут присутствие Селиванова очень бы пригодилось.

— Придет следователь, — заверила я. — Готовлюсь к повышению, меня послали лишь договориться о встрече.

— Вот здесь Парамоновы живут, — кивнула она на дверь напротив, в которую я безуспешно пыталась дозвониться за пару минут до этого. — Только вряд ли вы их до вечера застанете, на работе все.

— Простите, как вас зовут?

— Виталина Аркадьевна.

— Виталина Аркадьевна, скажите, а не были ли вы знакомы с бабушкой и дедушкой погибшей Людмилы?

— Я-то была. В отличие от самой Люськи. — Признаться, в положительном ответе я не сомневалась. В таких домах люди живут десятилетиями.

— Можете мне о них рассказать?

— Что ж, расскажу, глядишь, помогу вам с повышением, — подмигнула дама и пошире распахнула дверь, чтобы пропустить меня в квартиру.

Ее жилище разительно отличалось от квартиры Светловых. Везде царил образцовый порядок: люстры блестели, скатерти были накрахмалены, из кухни приятно пахло выпечкой. Мы устроились в просторной гостиной у окна. Виталина Аркадьевна поставила на круглый столик две чашки с блюдцами — на вид антикварные — и удалилась в кухню, откуда вскоре принесла изящный чайник чая из того же сервиза.

— У вас очень красиво, — произнесла я, разглядывая картины на стенах.

— В отличие от Веронички-то, конечно, — усмехнулась та. — Стараюсь, пока силы есть. Да и у Светловых хорошо было, пока Валюша с Павлом были живы. Что бы вы хотели о них узнать?

— В первую очередь что случилось с мамой Вероники? Она действительно покончила с собой?

— Что ж, начну издалека, — сказала женщина и сложила руки на коленях. — С Валюшей у нас разница, как у Людмилы с Еленой — четыре года. Как она за Павла вышла замуж и сюда въехала, мы и подружились. Муж мой покойный, летчик, в постоянных командировках. Ее профессор целыми днями в институте. Вот мы и сошлись. Когда Ника родилась, я, бывало, с ней оставалась: своих детей у нас с мужем не случилось, поэтому я была рада иногда примерить на себя роль матери. Только Павел это не очень поощрял. Он считал, что Валентина должна со всем сама управляться: и с огромной квартирой, и с ребенком.

— То есть отношения у них были не самые теплые?

— Что же, он любил ее очень, только уж больно хотел при себе держать все время: работать за-прещал, подруг не жаловал, а уж друзей тем более. Еще бы: тридцать лет разницы, шутка ли. Кто же знал, что он ее на десяток лет переживет?

— Расскажите, как именно она умерла?

— Примерно за год до смерти она от меня отдалилась. На лестнице поздоровается, но в гости не поднимется. Я-то сама к ним старалась не ходить: Павел этого не любил. Думала, это он ее против меня настроил: не только с подругами, но и с соседями общаться запретил.

Ну а в мае день рождения у нее был, я купила букет, торт, пошла поздравить Валю. Она дверь открыла и уставилась на меня: мол, что за цветы и подарки?

— Вы перепутали день? — предположила я.

— Нет, я-то все помнила, а вот она забыла. Про свой день рождения забыла, представляете? — вскинула руки Виталина Аркадьевна. — В дом она меня пускать не хотела, но я настояла. Вот тогда я и сообразила, что что-то не ладно.

— Почему? — поинтересовалась я.

— Павел порядок во всем любил, Валечка всегда старалась его поддерживать. А тут смотрю: обувь в коридоре разбросана, на кухонном столе жирные пятна, посуда в мойке лежит грязная. Не подумайте, не то чтобы она запустила дом, но было видно, что не справляется.

— Как думаете, почему?

— Ребенок вырослел, много сил отнимал, а муж требовал все больше. Сама она мне об этом не говорила, разумеется, но я-то ее хорошо знала.

— Не хватало времени?

— Сил не хватало, милочка, и, похоже, моральных. Ее бы к специалисту направить да лечение назначить, но разве Павел позволил бы?

— Думаете, у нее была депрессия?

— Я не специалист, но очень на то похоже. В общем, вышла я тогда от нее в полном недоумении, стала думать, как помочь подруге, да не успела.

— Как это случилось?

— Через пару дней после нашей встречи ее бездыханную нашли на асфальте под окнами.

— Версию об убийстве тогда не рассматривали?